

ГЛАВА 9

Мир погрузился в безмолвие, лишь изредка нарушаемое далеким стрекотом цикад. Цзянь Хуай чувствовал, как в это мгновение всё вокруг замерло — всё казалось мирным и безмятежным, но в то же время невыносимо скучным.

Выбор был сделан. Он уже открыл рот, собираясь заговорить, когда Цзяи вдруг отвернулся, не желая больше на него смотреть.

— Я передумал, — глухо отозвался Цзяи. — Не хочу знать, Цзянь Хуай.

Цзянь Хуай не видел его лица — лишь широкую спину, чей силуэт в лунном свете казался размытым и неверным.

Цзяи коротко свистнул. Из темноты донесся тихий шорох шагов, и вскоре к берегу вышли двое мужчин в длинных черных одеждах. Охापками свалив сухой хворост на пустынном пятчке у кромки воды, где не росла трава, они быстро развели костер и вновь растворились в ночи.

Остались лишь они двое — перед лицом танцующего пламени, в тишине, что была красноречивее любых слов.

Костер был невелик; желтые отсветы мягко ложились на лицо Цзянь Хуая. Ветер растрепал его короткие волосы, открывая чистый лоб и ледяную синеву глаз. Тонкая линия прямого носа, бледные, четко очерченные губы — он был ослепительно красив, но в этой красоте сквозило высокомерное равнодушие, отчужденность, что возводила между ним и миром невидимую стену. Даже отражение пляшущих искр в его зрачках не добавляло ему тепла.

Цзяи украдкой скользнул по нему взглядом и поспешил отойти. На его лице, как обычно, застыла маска безразличия, но в его изумрудном взгляде проступила едва уловимая печаль. То была минутная слабость, которую никто не смог бы заметить — Цзяи осознавал её один.

Зачем он спросил? Зная наперед, что ответ разобьет ему сердце, зачем искушал судьбу? Уж лучше сделать вид, будто вопроса и вовсе не было. На душе у него было горько.

Ступая босыми ногами по мягкой траве, Цзяи подошел к реке и присел на корточки. Он принялся потрошить пойманную рыбу: ловким, привычным движением острого ножа вскрывал податливое брюхо, вынимал внутренности и промывал тушки в холодной воде. У костра оставались ветки, которые он обстругал, превратив в шампуры, и теперь нанизанная рыба уже томилась над огнем.

Цзянь Хуай долго наблюдал за тем, как он переворачивает импровизированные вертела, и наконец спросил:

— У тебя есть табак?

Цзяи обернулся, помолчал мгновение и коротко кивнул. Поднявшись, он сходил к повозке и принес сигарету. Но не отдал её сразу: зажал фильтр зубами и, прикрывая огонек ладонью от ветра, чиркнул изящной зажигалкой. Затянувшись, он дождался, пока на кончике расцветет ярко-алое созвездие искр, и только тогда протянул сигарету Цзянь Хуаю.

— Побрезгуешь? Другой нет.

Цзянь Хуай принял табак и, ни секунды не колеблясь, поднес к губам. Сделав несколько затяжек, он произнес своим обычным ровным, лишенным интонаций голосом:

— Раз уж ты не хочешь слушать, я все равно скажу. Я не понимаю, что такое чувства. Не знаю, чем я мог тебя привлечь. Но если ты действительно так жаждешь быть псом при мне — пусть будет по-твоему.

Табак оказался крепким, дерущим горло — совсем не чета тем изысканным сортам, что курил Нил Кеннет, но в этой грубости крылось странное очарование. Ощущение было одновременно чуждым и до боли знакомым.

Цзяи застыл, не отрывая взгляда от Цзянь Хуая. Тот медленно выпустил струю дыма. Сизый туман поднялся вверх и растаял, и он приоткрыл глаза. Длинные ресницы, точно крылья ворона, бросали тень на глаза, в которых на миг промелькнуло нечто томительное, смягчая привычный холод.

Завороженный этим зрелищем, Цзяи хрипло выдохнул:

— Тогда, господин... могу я поцеловать вас?

Он сам не понимал, что говорит — это было лишь инстинктивное, животное стремление к близости.

Цзянь Хуай вдруг негромко рассмеялся. В этом смехе слышался неподдельный интерес, а сам он, не догадываясь об этом, едва заметно улыбнулся.

— Разве псам позволено целовать хозяев?

Он стряхнул пепел тонкими пальцами и, подперев подбородок ладонью, в упор посмотрел на Цзяи.

— Впрочем, ты, дикий пес, уже столько раз нарушал все приличия, не так ли?

Цзянь Хуай сделал глубокую затяжку и выдохнул дым в небо. Легкая улыбка исчезла так же внезапно, как и появилась; лицо вновь приняло бесстрастное выражение, словно тот мимолетный смешок был лишь игрой воображения Цзяи.

В груди у юноши закипел жар, но он не смел шелохнуться. Пока не поймал на себе косой, зовущий взгляд и не услышал приглушенный шепот:

— Иди ко мне, мой верный пес.

Когда Цзяи бросился вперед, его обжигающий жар мгновенно передался Цзянь Хуаю через тесно прижатые тела. Огромные ладони Цзяи, покрытые грубыми мозолями, поначалу осторожно обхватили лицо Цзянь Хуая, а затем он жадно поцеловал его, сминая губы и толкаясь языком всё глубже.

Он буквально поглощал его. Цзяи действовал всё яростнее, теряя контроль — точно хищник, сорвавшийся с цепи и прижавший когтями добычу, которую мечтал растерзать целиком.

Цзянь Хуай прищурился, глядя на приближающееся, резко очерченное лицо Цзяи. Он снова почувствовал терпкий, грубый запах табака. Цзяи прижал его прохладные щеки к своим раскаленным ладоням, заставляя его вздрогнуть — точно от ожога — и попытаться отстраниться.

Но Цзяи не позволил. Он выпивал его дыхание, упиваясь тем, как смешиваются их запахи. Тонкий аромат благовоний и едкая гарь табака переплелись в безумном танце, лишая рассудка.

Цзяи оторвал руку от лица Цзянь Хуая, выхватил сигарету из его пальцев и раздавил её прямо в своей ладони. Погасший окурок упал в траву, забытый обоими. Он с силой, граничащей с принуждением, прижал Цзянь Хуая к своей широкой груди. Два сердца бились в унисон, разделенные лишь тонкой преградой плоти.

Цзянь Хуай, сам того не замечая, закрыл глаза, отдаваясь этому яростному водовороту. Тяжесть на его душе внезапно сменилась облегчением. В это мгновение он впервые перестал вспоминать.

Перестал прокручивать в голове все эти годы: поцелуи Лилиан, объятия Кеннета, вечно заплаканные, лучистые синие глаза матери и запятнанный кровью черный фрак отца — ту смертельную усталость, что скрывалась за его элегантной улыбкой.

Эти несколько дней тянулись бесконечно — дольше, чем все прожитые десятилетия. Цзянь Хуай позволил себе провалиться в темную бездну чужих объятий, пахнущих жаром и огнем.

— Когда назначена казнь Кеннета? — спросил Цзянь Хуай, сидя у костра.

Цзяи возился с рыбой. Первые тушки уже превратились в угли, но улова было в избытке, и он насадил на вертела новую партию.

Цзяи сидел прямо на земле, скрестив ноги. Он то и дело переворачивал шампуры. Всем телом он прижимался к Цзянь Хуаю, точно прирученный волкодав, блаженно замерший подле хозяина. С его висков катился пот, пламя костра весело потрескивало. Его глаза, устремленные на рыбу, сияли почти детским восторгом.

Цзяи был огромен и силен, но на деле он был на два года младше Цзянь Хуая. Просто жестокая жизнь не оставила места для невинности: он рос, прокладывая себе путь зубами и когтями, смывая с лица чужую кровь.

Услышав вопрос, Цзяи повернул голову:

— Дня через три, не раньше.

Он уткнулся лицом в живот Цзянь Хуая, потираясь лохматой головой о его ладонь, словно ища ласки.

— С Кеннетом всё будет в порядке, не беспокойся.

Цзянь Хуай промолчал. Его лицо оставалось бледным, и лишь губы пылали неестественно алым цветом, лишая его образ былой холодности. Он запустил длинные белые пальцы в густые каштановые волосы Цзяи и принялся рассеянно поглаживать его по затылку — мягко, раз за разом.

Когда толпа ворвалась в запертое Помесье Кеннетов, былое великолепие дома уже превратилось в руины. На лазурных коврах повсюду виднелись грязные отпечатки сапог. Драгоценные напольные часы в человеческий рост валялись на боку. На их корпусе Бог-Отец с закрытыми глазами обнимал крыльями разбитый циферблат — казалось, он с милосердной улыбкой баюкает осколки этого гибнущего мира.

Стены были забрызганы кровью, точно чернилами; алые потеки засыхали, превращаясь в увядшие темные розы.

Граф Эд крепко сжимал эфес длинного меча. Острие волочилось по полу, вспарывая ковры при каждом шаге. Тяжелые армейские сапоги топтали мягкую шерсть, из которой лениво сочилась еще не просохшая кровь. Солдаты, следовавшие за графом, оставляли за собой кровавые следы.

Граф Эд хищно повел головой.

— Ищите всё, что представляет ценность. Считайте это моей наградой вам, — он поднес окровавленное лезвие к лицу, вдохнул запах металла и с лязгом вогнал меч в ножны. — Живых — ко мне.

Он размашисто шагал по галерее к главному залу. Хрустальная люстра, некогда венчавшая купол, рухнула вниз; осколки разлетелись повсюду, сверкая в свете факелов мириадами радужных искр.

Граф поднимался по винтовой лестнице. Ковры заглушали звук его шагов, превращая замок в обитель безмолвия. Напевая под нос, он распахивал одну дверь за другой, с усмешкой глядя на разгром, оставленный мародерами.

— Посмотрите только! Эти жирные торгаши... Неважно, сколько роскоши они на себя нацепят, в душе они остаются стадом кабанов, готовых глотки друг другу рвать за лишний грош. Неотесанные животные без капли достоинства.

Он подобрал с пола разбитую запонку: изящная золотая змея, чье брюхо было усыпано бриллиантами. Половина камней выпала. Прищурившись, он поднес её к глазам.

— Как они богаты! — пробормотал он с издевкой. — Но всё это прах. Богатство должно принадлежать аристократии.

Он пнул мешавший стул. За ножкой блеснуло лезвие кинжала. Граф сделал пару шагов и попытался вырвать оружие из пола, но оно сидело намертво — видимо, его вогнали туда со всей яростью, навалившись всем телом.

Граф Эд ухватился за рукоять обеими руками. Вены на его лбу вздулись, он натужно крикнул и наконец выдернул кинжал, отшатнувшись по инерции.

— Ну надо же! Поглядите-ка! Герб дома Эдгар! Эта проклятая свинья Кунтин всё-таки обвел Его Величество вокруг пальца! Решил в одиночку заграбастать все сокровища Кеннета! — он вертел кинжал перед собой. — Те двое оборванцев не солгали.

Граф Эд зашелся в диком хохоте, раскачиваясь всем телом, точно огромный гризли.

— Амбициозные Эдгары... Прикрылись личиной торговцев Сидэ, годами дурачили все Западные Земли, тайно сколотили армию, плевали на нашу честь! А теперь еще и это! Пытались набить карманы втайне от короны!

Он заговорил сам с собой, захлебываясь от предвкушения:

— Они погубили моего бедного брата Руна! Когда король вынесет приговор Кунтину Эдгару и конфискует его незаконные богатства, он наверняка не поскупится на компенсацию за мою утрату. Я подам прошение, чтобы все земли Эдгаров перешли моему роду. В конце концов, только истинные дворяне верны королю до конца. О, это блестяще! Кунтин, как только я доложу обо всем Его Величеству, я лично спущусь в темницу, чтобы содрать с тебя кожу! Ха-ха-ха!

Стук в дверь прервал его безумный смех. Граф обернулся, выставив кинжал перед собой. В свете ламп сталь зловеще блеснула, отражая бешеный блеск в его глазах.

На пороге стоял адъютант. Склонив голову в почтительном поклоне, он доложил:

— Господин граф, в гардеробной для прислуги найден человек. Кажется, это личный лакей Нила Кеннета. Его связали и привели в зал для допроса.

— Вот как? — Эд хищно осклабился. — Кунтин оказался не столь осторожен, раз оставил свидетеля. Что ж, посмотрим, какие еще зверства он скрыл от моих глаз!

Граф спустился в зал, адъютант следовал за ним по пятам. Солдаты выстроились вдоль стен двумя шеренгами. Посреди зала, на коленях, метался молодой мужчина в ливрее лакея. Веревки так туго впелись в его тело, что на ткани проступила кровь. Спутанные длинные волосы падали на бледное лицо. Его взгляд, пустой и остекленелый, был устремлен в пол, но стоило ему услышать шаги, как он впал в буйство.

— Нил... Молодой господин Нил, спасите меня! — закричал он, захлебываясь словами. — Кунтин... это он! Он заставил меня! Я не виноват! Господин Кунтин! Умоляю, не убивайте меня! Господин Нил уже у вас, вы же забрали его! Где моя награда?! Почему вы хотите меня убить?!

Он забился в конвульсиях, выкрикивая обрывки фраз:

— Никто меня не видит! Никто! Я в шкафу... мне там безопасно... Всех убили! Всех убил Кунтин Эдгар!

Внезапно его голос сорвался на жуткий хохот:

— Ха-ха! Да, господин Нил, мой благородный господин! Наслаждайтесь сполна! Тварь... Почему ты родился в шелках, а я в грязи?! Ты заслужил это! Ты сдохнешь в нечистотах, тебя растопчут! Как же это прекрасно! Наконец-то... этот несправедливый мир стал хоть немного справедливее!

Лакей рухнул на ковер, извиваясь червем. Он терся лицом, изрезанным осколками хрусталя, об овечью шерсть, оставляя за собой густой кровавый след.

Граф Эд остановился рядом и брезгливо подцепил его лицо носком сапога.

— Тьфу! Это важный свидетель, смотрите, чтобы эта вонючая крыса не подошла раньше времени!

С этими словами он с силой пнул безумца. Лакей захлебнулся собственной кровью, издав хриплый стон.

— Проклятые насекомые... Всё вокруг изгадили.

<http://bllate.org/book/17462/1693334>